

Глава 27. Будем считать, что ради охоты на тигра

Ливень шёл два дня и не собирался прекращаться.

Цинь Туань, которому наскучило сидеть в мастерской, в сердцах швырнул деталь, над которой работал, и крикнул в сторону двери:

— Чжанши Цюй! Цюй Цзин!

Цюй Цзин привык к переменчивому настроению своего господина и, увидев малейшие признаки недовольства, всегда держался поблизости. Услышав зов, он вошёл и преклонил колена:

— Слушаю, князь.

— От Ди Хуадан всё ещё нет ответа? — спросил князь Лу.

— Нет, князь, — с тревогой ответил подчиненный. — Семь дней назад префект Цзинаня выслал два лагеря солдат и разгромил логово разбойников на горе Лилун. Говорят, Ди Хуадан с частью людей прорвалась, но куда именно — неизвестно. Сапсан, которого мы послали, так и не вернулся. Возможно, с ним что-то случилось в пути.

Цинь Туань возразил:

— А ты не думаешь, что она на самом деле получила мой приказ, но просто не отвечает и не собирается его выполнять?

— Это... — Цюй Цзин опустил голову, не решаясь ответить.

Князь вдруг рассмеялся:

— Рано или поздно ей придётся. У моистов строгая дисциплина, они подчиняются только приказам Цзюйцзы. Недаром их столько веков не признавал двор. На этот раз будем считать, что Ди Хуадан не получила сообщения. Цюй Цзин, найди способ связаться с ней и передай, что Цзюйцзы хочет её видеть. В течение двух месяцев она должна прибыть в префектуру Дунчан.

— Слушаюсь.

— Два месяца... Если мой третий братец не умрёт от своей болезни, то уж от лихорадки точно оправится, — Цинь Туань, сидевший на циновке из орхидей, скрестив ноги, вытянул их, приняв небрежную позу. — К тому времени я подготовлю для его свадьбы щедрый подарок.

Чжанши собрался было ответить, но тут у дверей стражник доложил:

— Князь, из управы префектуры Дунчан доставлено секретное письмо.

Хозяин мастерской жестом велел Цюй Цзину забрать послание.

Письмо оказалось в руках Цинь Туаня. Он вскрыл его, пробежал глазами, и лицо его потемнело от гнева:

— Цинь Линь... ты, старый клятвопреступник!

Цюй Цзин на несколько мгновений замер, а затем с ужасом понял, что господин назвал по имени самого императора Яньхуэя, да ещё и оскорбил его, что каралось смертью. У него по спине пробежал холодный пот. С трудом переведя дух, он спросил:

— Князь, что случилось?

Тот, не обращая внимания на слугу, скомкал бумагу и бросил в жаровню.

— Он посмел тронуть мой золотой рудник Изящный! Так пусть не надеется на спокойствие в землях Шаньдуна! В префектурах Цзинань, Цинчжоу, Лайчжоу и Дэнчжоу десятки крупных частных рудников. Сколько людей кормятся с них, сколько голов на кону! Он хочет всё это проглотить одним махом — так пусть не боится обжечь глотку углями и порезать горло лезвием!

Цинь Туань, бормоча бессвязные ругательства, разразился безумным смехом:

— Лишить человека достатка — всё равно что убить его родителей! Император ради своей выгоды убивает именем закона, так и люди ради своей выгоды могут поднять мятеж и убить государя! Мир суетится ради выгоды, мир волнуется ради выгоды. Гнать людей выгодой — всё равно что гнать овец... хе-хе-хе-хе!

Цюй Цзин с ужасом смотрел, как его господин бесновался. Ему хотелось зажать безумцу рот, но он боялся, что тот выбежит на улицу и станет кричать свои оскорбления во всеуслышание. А это означало бы казнь для всего рода!

К счастью, приступ ярости был недолгим. Вскоре князь, исчерпав силы, безвольно откинулся на циновку и лениво прошептал:

— Пусть будет хаос, в мутной воде легче ловить рыбу... Раз уж я князь Лу, подброшу-ка я в эти земли ещё дровишек, пусть огонь горит ярче.

***

Прошло двенадцать дней с тех пор, как Еян Цы вылечил Цинь Шэня и вернулся в Сяцзинь.

Ливень прекратился, и весь уезд, очнувшись после последнего весеннего дождя, словно пошёл в рост.

Но веселье было не для всех. Чжубу Хань Хань, который почти месяц проболел, от тоски и одиночества вернулся в ямэнь и принялся за дела. Уездный судья не стал его упрекать и даже прислал в знак сочувствия кое-какие укрепляющие лекарства.

Хань Хань тут же пошёл к Го Саньцаю.

— Брат Го, неужели ты вот так просто сдался?

Лицо сяньчэна помрачнело:

— Я его превозношу! Чтобы убить человека похвалами, нужно сначала его вознести до небес.

Регистратор с горечью ответил:

— Пока я болел, Го Сысян воспользовался моментом. Я слышал, судья поручил ему управление плавильными печами и велел ознакомиться с моими делами. Он хочет заменить меня! Скоро все чиновники в ямэне будут из клана Го. Брат Го, мы с тобой старые друзья, не поддавайся его интригам, не дай нас рассорить!

Го Саньцай недолюбливал Го Сысяна, но мысль о том, что его клан начинает забирать власть, ему льстила.

— Что ты, — уклончиво ответил он. — Сейчас Еян Цы благоволит Го Сысяну, но в будущем, возможно, он продвинет и отпрысков семьи Хань. У вас ведь есть цзеюань, позовите его обратно, пусть поборется с конкурентом за место под солнцем.

Хань Лумин сбежал из дома среди ночи, даже не став сдавать столичные экзамены. Семья Хань, с одной стороны, проклинала его за непочтительность, а с другой — не решалась требовать его возвращения у знаменитого на всю Поднебесную учителя Иньси. Оставалось лишь надеяться, что он скоро вернётся, закончив обучение, и непременно станет первым в списках. А лучше всего — дослужится до высокого чина и обеспечит процветание роду на многие поколения.

Теперь, когда Го Саньцай упомянул беглеца, Хань Хань почувствовал себя ещё более униженным.

— В этом году на весенние экзамены в столицу отправились учёные и из клана Го, и из семьи Хань, — с трудом выдавил он. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Два старых приятеля из-за этого случая всё же затаили друг на друга обиду, и их единодушию пришёл конец. Еян Цы, прекрасно знавший принцип «беспокоятся не о скудости, а о неравномерности», назначив Го Сысяна, убил одним камнем трёх зайцев. Сейчас младший знаменосец с энтузиазмом взялся за дело и пока не собирался возвращаться в гарнизон Пиншань. Он выложил пятьдесят лянов серебра и взял отпуск ещё на три месяца.

— Тебе тяжело... и мне тоже, — вздохнул Еян Цы, глядя на прошлогодние долговые расписки.

Предыдущие уездные судьи оставили столько неоплаченных счетов, что теперь, когда он пытался закупить дерево и камень для ремонта города, торговцы намекали, что сначала неплохо было бы погасить старые долги. Но как погасить недостачу в двадцать с лишним тысяч лянов за короткое время?

— Может, погасим хотя бы часть? — предложил Цзян Оу.

Еян Цы покачал головой:

— Кому именно? Узнает один — прибегут остальные. К тому же, в последнее время в Сяцзинь начали прибывать переселенцы, пахотных земель стало больше. В казне осталось меньше десяти тысяч лянов, этого едва хватает на ремонт города, нельзя тратить деньги на старые долги. Будем пока должны. После летней жатвы выплатим каждому торговцу понемногу, чтобы они видели надежду. В конце концов, это долг ямэня, никуда он не денется. Если старые поставщики не хотят продавать — что ж, возьмём наличные и пойдём к новым. Не верю я, что они откажутся от живых денег.

Как только он объявил об этом, многие старые торговцы пожалели о своём упрямстве. Новые сделки с оплатой по факту были слишком заманчивы, и они снова стали приходить к господину Еяну с просьбами.

Тот не тянул с оплатой: купил партию товара — тут же расплатился. За два месяца уездный судья, нанимая мастеров и рабочих из соседних уездов, отремонтировал городские стены и ворота. Он не только построил четыре новые сторожевые башни, но и возвёл на стенах ряд казарм для ночлега стражи.

В мае, после того как расширили ров, денег на строительство нового подъёмного моста совсем не осталось. Еян Цы, глядя на опустевшую казну, вздохнул и уже собирался подсчитать свои многолетние сбережения, чтобы внести часть суммы.

Но тут дело снова приняло неожиданный оборот. Несколько крупных семей Сяцзиня, посоветовавшись, решили собрать деньги и одолжить их правительству под небольшой процент. Это был знак доброй воли и свидетельство их доверия к новому судье. Даже торговцы из округа

Линьцин задумались о возможности выдать кредит ямэню Сяцзиня, ведь летняя жатва была не за горами. Поля пшеницы и сады, окружавшие уезд, сулили заманчивые перспективы.

Подъёмный мост был построен на эти собранные с миру по нитке средства.

Еян Цы прилагал все силы, чтобы этот город, похожий на руины, оброс плотью и обрёл новую жизнь. Но, как гласит старая поговорка, «выдающееся дерево в лесу ветер первым ломает». В начале июня богатый урожай на полях Сяцзиня привлёк алчные взгляды.

— Господин уездный судья... — архивариус Цзян Оу с тревогой вошёл в зал. — Вы слышали? За последние два месяца в Шаньдуне из-за запрета на частную добычу руды начались волнения, особенно в префектурах Дэнчжоу, Лайчжоу и Цзинань. Власти конфисковали все рудники, а всё золото и серебро через Ведомство по делам серебра направляется прямо в столицу. Многие владельцы разорились и предпочитают взрывать шахты. Шахтёры массово теряют работу, повсюду бродят толпы беженцев.

— Гарнизоны заняты подавлением восстаний, — продолжал дяньши. — Говорят, они даже не докладывают наверх о реальном положении дел. Пока что только в нашей префектуре Дунчан и в южной Гуньчжоу относительно спокойно. Но когда у соседей пожар, и твой дом в опасности. Боюсь, эти беспорядки рано или поздно докатятся и до нас.

В это время Еян Цы обсуждал с Тан Шицзином меры по охране урожая. Услышав доклад, он поднял голову:

— Бочжоу, не волнуйся, присядь, обсудим всё спокойно.

Цзян Оу сел, выпил чашку горячего чая, и его волнение постепенно улеглось.

Судья спросил Сюньцзяня Тана:

— Вы бываете на трактах в округе Гаотан, замечали ли вы беженцев?

Тан Шицзин ответил:

— Да, много людей идёт с востока. Говорят, на рудниках бунтуют шахтёры, сбиваются в банды. Некоторые примыкают к разбойникам-сянма. Ещё говорят, что Кровавый Колокольчик сейчас действует в Дэнчжоу и Лайчжоу, её отряд вырос до пяти-шести тысяч человек. Они грабят обозы и нападают на зернохранилища.

Дяньши Цзян горько усмехнулся:

— Нашему округу Гаотан повезло, что он бедный: ни руды, ни зерна. Даже если в Дунчане

начнутся беспорядки, первый удар примет на себя Линьцин.

Еян Цы укоризненно посмотрел на него:

— Когда гибнут губы, мёрзнут зубы. Сейчас близится жатва, нельзя допустить потерь. Сюньцзянь Тан, усильте проверку на заставах. Я также направлю донесение окружному судье Сюю, чтобы он обратил внимание на беженцев.

Тан Шицзин с невозмутимым видом кивнул. Помолчав, он вдруг добавил:

— Окружной судья Сюй приказал отремонтировать почтовый тракт от Гаотана до Сяцзиня. Сегодня начали работы.

Еян Цы удивился:

— Окружной судья Сюй такой скряга, и вдруг решил отремонтировать тракт? Разве не каждый уезд отвечает за дороги сам? А как насчёт двух других уездов?

— Им он ничего не ремонтирует. Судьи тех уездов подозревают, что вы дали Сюй Вэйпину взятку.

Хозяин ямэня усмехнулся:

— Были бы у меня деньги на взятки, я бы лучше сам дорогу построил.

— Они подозревают, что вы сговорились, чтобы присвоить средства на ремонт из Министерства работ.

— Кто чист, тот чист, — отмахнулся Еян Цы. — Впрочем, поступок господина Сюя действительно необычен. Боюсь, деньги на ремонт дороги не его...

Внезапно в памяти всплыл разговор с Цинь Шэнем.

Еян Цы замер.

«Неужели это дело рук князя Гаотана? — закралось подозрение. — Но он ведь заплатил за лечение, целых пятьсот лянов, на эти деньги можно было бы мне шикарную гробницу построить»

Поразмыслив, он пришёл к единственному выводу: в прошлый раз, когда князь ехал в Сяцзинь, его карету так трясло, что его высочество сильно пострадал, вот он и решил раскошелиться на

ремонт. Пойдите, а цель ремонта... неужели он собирается снова приехать?

Еян Цы тут же спросил помощника:

— Сколько зерна останется после уплаты всех налогов и пополнения амбаров?

— Примерно на пять-шесть тысяч лян, — ответил Бочжоу. — Это большой урожай! Но казна ямэня по-настоящему пополнится только после осенней жатвы.

Судья кивнул, подумав про себя:

«Князь Гаотан на свои деньги ремонтирует тракт, и если он действительно хочет приехать, чтобы скупить урожай... извините, у помещика тоже лишнего зерна нет, придётся подождать!»

***

Тем временем в резиденции князя Гаотана Цинь Шэнь, только что вернувшийся в свои покои, спросил Цзян Ко:

— Тракт до Сяцзиня сегодня начали ремонтировать?

Командир Цзян ответил:

— Да. Окружной судья Сюй не посмеет тронуть эти деньги. Впрочем, он пытался выведать, зачем вашему высочеству это нужно.

— И что ты ответил?

— Я сказал, что в прошлый раз князь увидел в лесу редкого тигра цвета янчжи и очень заинтересовался. Поэтому и решил отремонтировать дорогу, чтобы в следующий раз было удобнее приехать на охоту.

Цинь Шэнь пристально посмотрел на него:

— Вздор.

Цзян Ко с трудом сдержал улыбку:

— Да, я наговорил вздора.

— Пошёл вон.

Цинь Шэнь хмыкнул вслед удаляющемуся воину.

«Я это делаю для перевозки зерна... — пробормотал он про себя. — Впрочем, правду говорить нельзя. Будем считать, что ради охоты на тигра»

<http://bllate.org/book/15875/1442187>